

Согласно оценкам Bloomberg, опубликованным в феврале, Россия уже сейчас входит в двадцатку наиболее инновационно активных стран мира: на своем 14-м месте она опережает Великобританию, Канаду, Швейцарию, Италию, Израиль и не так сильно уступает Франции. Нет оснований не доверять оценке «инновационного рывка» последних лет со стороны Bloomberg: проекты, сопоставимые с фондом «Сколково», сами по себе заметны в мировом масштабе, а российский субстрат для таких попыток оценивается экспертами серьезно. Авансов такого рода «Сколково» и другим российским проектам еще несколько лет будет выдаваться еще больше, но лишь в 2015–2018 годах будет понятно, в какой степени имидж России как «инвестиционной пустыни» был следствием национального пессимизма, а в какой — основывался на реальности.

Аванс за масштабы

Оценки инновационной активности в России изменяются к лучшему

Очередной рейтинг Bloomberg «самых инновационных стран мира», опубликованный в феврале, с российской стороны выглядит настолько сенсационным, что в России к этому достаточно важному исследованию (аудитория этих работ в первую очередь ориентирована на потребителя из США) отнеслись с некоторым недоверием. Bloomberg, составив свой рейтинг, исследовало две сотни стран по семи показателям: интенсивность проведения НИОКР, уровень производительности труда, концентрация высоких технологий (процент публичных компаний в хайтек-секторах — аэрокосмическом, оборонном, биотехнологическом, программном, полупроводниковом, интернете, аппаратном обеспечении, возобновляемой энергии), число исследователей на душу населения, производительность высокотехнологичной промышленности, уровень образования и патентная активность. По итогам исследования Россия заняла 14-е место в топ-50 стран-инноваторов на уровне, сравнимом с уровнем Норвегии и Бельгии. Топ-10 рейтинга Bloomberg выглядит так (по убывающей): США, Южная Корея, Германия, Финляндия, Швеция, Япония, Сингапур, Австрия, Дания, Франция.

Оценки одного из крупнейших мировых информативных для России позволили ей существенно обогнать такие страны, как Австралия, Италия, Швейцария, Великобритания, Канада, Израиль. Традиционно считающийся в России одной из «инновационных звезд» мира Китай в рейтинге Bloomberg занял 29-е место, не менее интересующий в России многих именно как инновационный оазис Израиль — 32-е. «Это не может быть, наверняка это ошибка методологии или PR-продукт» — это общий тон комментариев российских экспертов, которые, впрочем, совершенно исчезают при упоминании автора рейтинга — Bloomberg. В сущности, главной в понимании авторов проблемой инновационных секторов экономики России является в настоящий момент исключительно низкая активность во внедрении инновационных разработок в национальной промышленности, по остальным показателям они ровно такие, как полагаются стране во второй десятке стран — лидеров

«Сколково» — проект, уже открывший для России двери в клуб, где играют в инновационное развитие по-крупному даже в мировых масштабах

в инновационном процессе в мире. Выдающимся является показатель России по концентрации инновационных институтов, то есть равно по тому показателю, ради которого в России затевался и реализуется проект «Сколково», — второе место; первое, как и лидерство на рынке, у США. В странах BRICS, по оценке Bloomberg, России с точки зрения инноваций просто нет равных ни по результатам, ни по потенциалу. Рейтинг можно было бы считать «статистическим выбросом», и в принципе он под-

дается некоторой критике. Например, российские и западные методики описания НИОКР в целом несопоставимы: с большой долей вероятности Bloomberg завышает их для России, где правила отчетности позволяют играть с этим показателем больше, чем в ЕС и США. Высокие показатели по образованию и патентной активности — это во многом на следствие несопоставимости с мировыми советской системы образования и научной деятельности: формальные показатели тут могут обманывать. Однако производительность хайтек-активности, концентрация капитала в хайтек-секторах и в целом расходы «на науку» как доля в ВВП вряд ли можно объяснить ошибкой

метода. В любом случае даже с учетом этих пересчетов Россия неизбежно окажется в топ-30 стран-инноваторов, и в этом случае приходится говорить о проблемах между внутренним и внешним восприятием инновационного сектора в России. Bloomberg, разумеется, дает «мгновенный срез» — оценку, лишённую динамики. Впрочем, разбираясь с компонентами рейтинга, можно констатировать, что, будь рейтинг составлен в 1986 году, позиции СССР в нем были бы сравнимыми (хотя, возможно, и выше: взлет большинства стран, опережающих Россию в рейтинге, пришелся на 1990-е годы). Сложно представить себе страну при столь масштабном спаде промышленной и науч-

ной активности в 1990-е и при трансформации экономики искомой сохранить позиции исключительно на «наследстве». Разумеется, все происходящее во многом следствие достаточно специфического определения «инновационной активности» в мире, сложившейся в последние два десятилетия: российское политическое руководство и в 1990-е при всей ограниченности финансовых ресурсов с достаточно сильным пиететом относилось к «высоким технологиям» как таковым и пыталось поддерживать соответствующие институты в традиционных советских моделях в законсервированном состоянии. Тем не менее к 2008 году эта ситуация изменилась — де-факто в 14-м

месте России по версии Bloomberg уже есть оценки для американской аудиторией результатов активности власти в 2000-х годах и в последние годы: это и поддержка «военной» науки, и Сколково, и инвестиции в федеральные университеты, и многочисленные программы создания инновационной инфраструктуры. К тому же плохо скрывающийся испуг правительства в ранние 2000-е от наблюдения процесса смены поколений в научной сфере, в компаниях, в инновационных структурах, да и в деловой среде, очевидно повлиял на восприятие внутри России состояния инновационной сферы. И не только науки самой по себе. Напомним, глава Cisco Джон Чемберс на да-

воском Всемирном экономическом форуме открыто заявил CNN: одной из крупнейших хайтек-компаний мира деловой климат в России «нравится», а в России бизнес вести временами «легче, чем в США», несмотря на то что это может, по его словам, звучать «шокирующе». Господина Чемберса можно было бы заподозрить в риторических преувеличениях, если бы самой удобной для бизнеса страной он в том же выступлении не назвал Канаду — это не вполне соответствует оценкам Doing Business Всемирного банка, но, за вычетом корпоративных налогов, не противоречит этим оценкам.

При этом в последние месяцы оценки результатов инновационной активности в России дают стране весьма большие авансы — эту случайность стоило бы изучить внимательнее. Например, журнал The Fast Company в очередном рейтинге инновационных компаний по секторам счел необходимым посвятить отдельный страничный субрейтинг быстроразвивающимся компаниям из России. Рейтинг выглядит весьма необычно, и эксперты предъявляют к нему претензии в «субъективности», которую, впрочем, The Fast Company не отрицает — это частный взгляд, но частный взгляд весьма авторитетного эксперта, который ранее в целом разделял мнение о России как об «инновационной пустыне». На первом месте трэвел-сервис Okto и веб-хостинг Nginx, на третьем — фонд «Сколково» с его де-факто двухлетней историей. Не менее интересно, что пятое место досталось «Вашнефти»: в силу своей истории (компания работает со сложными и истощенными нефтяными месторождениями) ее рентабельность напрямую зависит от инновационной активности. На восьмом месте социальная сеть «В контакте». Объективно это мнение или нет — есть обстоятельства, которые заставляют специалистов иметь мнение о России.

Что это за обстоятельства? В первую очередь десятилетия (пусть и проблемная, и неподдерживаемая, но обеспеченная крайне существенными в масштабах мира финансовыми ресурсами) инновационная политика правительства России и Кремля: абсолютной неэффективности не бывает даже низкая эффективность дает резуль-

таты. Второе соображение — сочетание в России традиционно высокой инженерной культуры с активной эмиграцией из России в последние 30 лет «сливок» потенциально инновационно активного класса: это встречается раз в век, а стремительная глобализация делает национальные границы малосущественными для инновационного процесса. Любая активность в России вызывает интерес в первую очередь американских ученых российского происхождения с западным образованием и активностью в инновационной отрасли: для них Россия со Сколково, с РВК и «Роснано», с институтами развития, с расходами «Газпрома» и «Роснефти» на НИОКР — это не то, что происходит «за границей», а опция и в карьере, и в бизнесе. Наконец, то, что происходит сейчас в России в инновационной сфере, — это интересное для инновационного мира движение: для него не важно, будет ли оно абсолютно удачным, поскольку зарабатывать можно и на неудачных с какой-то точки зрения, и на вызывающих сомнения в полном успехе и достижении цели процессах. А то, что Россия с ее нефтяными деньгами первого десятилетия XXI века решила, по крайней мере, попробовать что-то в инновациях, — это ровно такой процесс.

Можно сомневаться в успехе, но нельзя не заметить: Россию с ее инновационной структурой оценили. Авансы не даются так просто. Увы, их надо обрабатывать. Как показывает Bloomberg для других стран, например для Исландии с ее высокой концентрацией исследовательских структур, для Израиля, для Швейцарии (ее результат в рейтинге Bloomberg, кажется, недооценен: по ряду показателей оценки не приведены, что сыграло на сравнительно низкий общий рейтинг, но о спаде инновационной активности в Швейцарии писали немало), упав в глазах экспертов можно за какие-то несколько лет. Тогда же станет полностью соотношением «цена-качество» для российских компаний инновационного рывка — и при первом спаде в этом секторе она будет рассчитана на убийственную точность. Впрочем, в случае успеха, а не неудачи кейсы тех, кто потратил на взлет слишком много, будут кейсами победителей. **Дмитрий Бутрин**

«Все, что мы устраиваем, является открытым»

Руководитель Открытого университета Сколково Андрей Егоров о фарм-клубе проекта

Это университет, который отказывается считать себя университетом, хотя, открывшись в 2011 году, уже имеет 220 студентов и 8 тыс. слушателей на своих мероприятиях. В неакадемичности читают лекции по робототехнике профессора из лондонского Imperial College, но нет ни первого, ни второго курсов, специализация студенты выбирают сами, как и объем знаний, который им нужен. **АНДРЕЙ ЕГОРОВ, исполнительный директор Открытого университета Сколково (ОтУС), рассказал „Ъ“ о том, как работает фарм-клуб фонда «Сколково».**

— Что сейчас собой представляет ОтУС? Это действительно университет? — Чтобы кого-то не ввело в заблуждение его название, я начну с того, что Открытый университет Сколково по определению не является университетом и образовательным учреждением в традиционном понимании этого слова. Это программа фонда «Сколково», смысл которой состоит в привлечении талантливой молодежи в экосис-

тему Сколково. Под талантливой молодежью мы понимаем тех лучших студентов, магистров, аспирантов технических вузов Москвы, Томска и Санкт-Петербурга, у которых есть желание использовать свои умения и способности для того, чтобы реализовать технологические стартапы, и которые прошли конкурсные отборы в ОтУС. Мы являемся частью фонда «Сколково», точнее, одним из его департаментов. Фонд определяет программу мероприятий, оплачивает часть расходов.

Также мы сотрудничаем со Сколковским институтом науки и технологий, но они являются реальным университетом и могут выдать диплом, в отличие от нас. Так как Сколтех предполагает обучение уже в магистратуре, одна из наших задач — развивать своих студентов, чтобы они имели возможность поступить туда. В прошлом году из 20 человек, которых Сколтех взял на свою пилотную программу, 4 были нашими студентами.

— Из каких направлений состоит программа Открытого университета?

— Набор из большого количества разнообразных курсов, но основных направлений на данный момент четыре — это программы по предпринимательству в биомедицинских технологиях, IT, космических технологиях и робототехнике. Нет необходимости проходить все, что мы предлагаем: наши студенты довольно свободно могут выбрать себе любой набор. Программа рассчитана на два года. Первый набор у нас был в апреле 2011 года, этой весной они как раз выпускаются.

— Два года — достаточный для студентов срок, чтобы определиться, по какому пути они идут внутри ОтУС. Для этого мы предлагаем разнообразные мероприятия — от лекций до курсов с ведущими учеными и предпринимателями. Кроме того, студенты могут принимать участие в партнерских мероприятиях, летних школах, конференциях и так далее. Для того чтобы студентам было легче выбрать, у нас в ОтУС есть позиция тьютора. *(Окончание на стр. 19)*

«Сколково» вводит университетскую соревновательность

Для российских учебных заведений просят открыть возможность получения грантов фонда

По итогам заседания консультативного научного совета (КНС) фонда «Сколково» его сопредседатель академик Российской академии наук Жорес Алферов обратился к президенту Владимиру Путину с просьбой решить вопрос о предоставлении российским образовательным учреждениям, «включенным в перечень», возможности непосредственно получать в «Сколково» гранты. Рассмотрение вопроса о том, будет ли фонд поддерживать формирование в России исследовательских сетей на базе университетов, остановилось после приостановки поправок в закон об инновационном центре: работа с законопроектом продолжается, но неопределенность мешает создавать учебные центры «Сколково» в Санкт-Петербургском академическом и Новосибирском университетах.

Одним из главных вопросов заседания КНС 1 марта стали вопросы университета Сколтех. Напомним, КНС учрежден в августе 2010 года, его сопредседателями являются нобелевские лауреаты Жорес Алфе-

ров и Роджер Корнберг. По результатам заседания господин Алферов заявил, что уже обратился к президенту России Владимиру Путину с просьбой поддержать поправку в законодательство, посвященные праву фонда «Сколково» выдавать гранты российским образовательным учреждениям вне зависимости от их статуса на территории инновационного центра Сколково. Монополии Сколтеха, базового профильного университета Сколково, создающегося совместно с американским университетом MIT, на подготовку кадров для инновационного центра не предполагалось изначально. Тем не менее сейчас КНС де-факто рекомендовал фонду окончательно закрепить возможность конкуренции университетов в проектах, связанных со Сколково.

«Нужно поддерживать и сотрудничество с MIT, и сотрудничество с российскими университетами. Чтобы они соревновались друг с другом. А мы посмотрим, что лучше, и будем выбирать», — говорит Жорес Алферов. — Моя позиция по этому вопросу из года в год не меняется. У нас есть система ма-

гистратуры и аспирантуры — на этих идеях создавались наши университеты. Поэтому мы предложили Новосибирский университет и Санкт-Петербургский университет, которые обладают необходимой научной базой, и потратили на убеждение довольно много времени. Мы все время предлагали и говорили, что российские вузы должны получать гранты и работать над той системой образования и исследований, которая имеет вполне реальные проекты и при этом полностью соответствует идеологии «Сколково». И здесь я получил поддержку президента Владимира Путина, и сейчас идет работа. Вопрос о том, должны ли университеты иметь возможность получения сколковских грантов, по большому счету в самом «Сколково» никогда не вызывал спор: деятельность MIT по созданию Сколтеха оплачивается, но на создании системы поддержки фондом учебных центров в России настаивали в первую очередь иностранные специалисты и консультанты в органах управления инновационным центром. *(Окончание на стр. 18)*